

18+

Эрих Эрлэнбах

МОСТ

Историко-публицистический рассказ, диалог о прибыли и гибели в Первой мировой войне

Эрих Эрлэнбах

**Мост. Историко-публицистический
рассказ, диалог о прибыли
и гибели в Первой мировой войне**

«Издательские решения»

Эрлэнбах Э.

Мост. Историко-публицистический рассказ, диалог о прибыли и гибели в Первой мировой войне / Э. Эрлэнбах — «Издательские решения»,

Париж, 1935. Ресторан у старого моста. Двое друзей говорят о Первой мировой: о родстве монархов, о прибылях «Круппа» и «Дюпона», о телеграммах «Вилли» и «Ники». Одни считают прибыль. Другие считают потери. А мост стоит — и помнит. Пьеса о том, как прибыль и гибель ходят парой.

© Эрлэнбах Э.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. Рассказ «Мост»	6
ПРОЛОГ	6
Действующие лица	7
I. Две бутылки бургундского	8
II. Счёт на миллиарды	11
III. Телеграммы «Вилли» и «Ники»	14
Часть II. ПЬЕСА НА ОСНОВЕ РАССКАЗА «МОСТ»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мост

Историко-публицистический рассказ, диалог о прибыли и гибели в Первой мировой войне

Эрих Эрлэнбах

© Эрих Эрлэнбах, 2026

ISBN 978-5-0071-3784-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОСТ

(прибыль и гибель)

Историко-публицистический рассказ диалог о прибыли и гибели
в Первой мировой войне

Часть I. Рассказ «Мост»

Часть II. Пьеса на основе рассказа «Мост»

Erich Erlenbach

От автора

Все события, места, персонажи и обстоятельства, описанные в этой книге, являются художественным вымыслом.

Автор не несёт ответственности за совпадения, которые могут показаться читателю намеренными. Автор не несёт ответственности за интерпретации, которые могут возникнуть у читателя. Автор не несёт ответственности за выводы, которые читатель сделает сам.

Все совпадения случайны. Все совпадения считаются случайными.

Часть I. Рассказ «Мост»

ПРОЛОГ

Сцена погружена в полную темноту. Слышен только дождь — ровный, монотонный, как дыхание спящего города. Постепенно из темноты начинает проступать свет — холодный, серый, как ноябрьское утро. Свет падает на старый каменный мост, перекинутый через невидимую реку. Мост пуст. Только фонари горят по обеим сторонам — жёлтые пятна в тумане.

Из темноты раздаётся ГОЛОС — низкий, спокойный, как будто читающий старую книгу. Это не Голос из прошлого. Это другой голос. Голос самого Моста.

ГОЛОС МОСТА.

Я стою здесь двести лет.

Я видел, как по мне шли солдаты Наполеона. Я видел, как по мне шли солдаты Третьей республики. Я видел, как по мне шли солдаты, которые не вернулись. Я видел всё.

Я — мост. Я не выбираю, кто по мне идёт. Я просто стою. Я держу. Я жду.

Пауза. Дождь усиливается. Свет становится чуть ярче — теперь видно, что мост старый, каменный, с трещинами, поросшими мхом. На перилах — следы времени. Где-то внизу шумит река.

ГОЛОС МОСТА

В ноябре тысяча девятьсот тридцать пятого года по мне шли люди. Они не знали, что через пять лет по мне снова пойдут солдаты. Они не знали, что мост выдержит. Они не знали, что мост — это единственное, что останется.

Они сидели в ресторане. Он назывался «У старого моста». Он стоял у моей левой опоры. Там пили вино. Там говорили о войне. Там считали прибыль. Там молчали о гибели.

Я слышал их разговор. Я слышал всё.

Свет медленно перемещается — теперь он падает на окно ресторана. За окном — силуэты людей. Они движутся, разговаривают, смеются. Но звука нет. Только дождь.

ГОЛОС МОСТА.

Сегодня я расскажу вам эту историю. Не потому, что я хочу. А потому, что я должен. Потому что мост — это память. А память должна говорить.

Пауза. Свет на мосту гаснет. Остаётся только окно ресторана. За ним — люди. Они ещё не знают, что мы смотрим на них.

ГОЛОС МОСТА.

Слушайте.

Темнота. Тишина. Только дождь.

Занавес.

Действующие лица

Анри — журналист, циник, любит цифры

Люсьен — историк, спорщик, любит точность

Место: ресторан «У старого моста», Париж, ноябрь 1935 года

I. Две бутылки бургундского

За окном моросил ноябрьский дождь. В зале тихо играл граммофон — старая пластинка с вальсом, которую хозяин заведения ставил каждый вечер, потому что она напоминала ему о довоенных временах. Редкие прохожие спешили к трамваю, придерживая шляпы. Два человека за столиком у окна никуда не торопились.

Они дружили лет двадцать — с Сорбонны. Анри тогда писал заметки в студенческую газету, Люсьен корпел над архивами. С тех пор Анри стал журналистом, а Люсьен — историком, и за эти годы они привыкли спорить обо всём: о политике, о футболе, о смысле жизни. Сегодня спор вышел особенно долгим.

На столе стояла пустая бутылка бургундского — уже вторая. Первую они выпили молча, под жаркое. Вторую — под разговор, который начался ни с того ни с сего.

Анри (откидываясь на спинку стула, глядя в бокал на просвет):

— Слушай, Люсьен... вот я всё думаю. Первая мировая. Ведь это же была война между родными?

Вальс закончился. Граммофон щёлкнул и зашипел, прежде чем замолчать. В зале стало слышно, как дождь стучит по карнизу.

Люсьен (усмехаясь, покачивая головой):

— Ты имеешь в виду Николая и Георга?

Анри:

— И Вильгельма тоже. Они же все друг другу кузены, братья, сваты. Королева Виктория — «бабушка Европы». Как они вообще дошли до того, чтобы бросить миллионы людей друг на друга?

Официант принёс ещё одну бутылку — без просьбы, просто понял, что вечер длинный. Анри разлил вино. Тёмно-красная струя блеснула в свете лампы.

Люсьен:

— Давай по порядку. Потому что тут всё интереснее, чем кажется.

Он отпил глоток, поставил бокал и подался вперёд, как делал всегда, когда начинал лекцию.

Люсьен:

— Начнём с фамилии. «Романовы» — это ведь не фамилия в современном смысле, а династическое имя. Прямая мужская линия рода пресеклась в 1762 году со смертью императрицы Елизаветы Петровны. На престол взошёл Пётр III — сын царевны Анны Петровны и герцога Карла-Фридриха Гольштейн-Готторпского. С этого момента династию в генеалогической литературе называют Гольштейн-Готторп-Романовы. По мужской линии они — немецкая герцогская династия, младшая ветвь Ольденбургов. Юридически члены императорской семьи вообще фамилий не носили — «царевич Иван Алексеевич», «великий князь Николай Николаевич».

Анри:

— То есть последние императоры — немцы по крови?

Люсьен:

— По мужской линии — да. Николай II по крови был примерно на пятьдесят процентов немцем, на двадцать пять — датчанином, через мать, императрицу Марию Фёдоровну, и лишь около двадцати пяти процентов — потомком русских царей через Анну Петровну. Его жена, Александра Фёдоровна, — немецкая принцесса Гессен-Дармштадтская. Екатерина II — Ангальт-Цербстская. Жёны Павла I, Николая I, Александра II — тоже немецкие принцессы. Это была общеевропейская практика: династические браки должны были предотвращать войны.

Грамофон снова ожил — хозяин поставил другую пластинку, что-то медленное, струнное. Музыка поплыла над столиками, смешиваясь с запахом вина и дождя.

Анри:

— И не предотвратили.

Люсьен:

— Не предотвратили. Смотри, кто кому кем приходился. Николай II и Георг V — двоюродные братья. Их матери, Дагмар Датская и Александра Датская, были сёстрами. Вильгельм II и Георг V — тоже двоюродные: отец Георга, Эдуард VII, и мать Вильгельма, Виктория, были братом и сестрой. Вильгельм II и Александра Фёдоровна — двоюродные: их матери, Виктория и Алиса, — дочери королевы Виктории. Николай и Вильгельм — свойственники и дальняя родня через немецкие династии. Они подписывали телеграммы «Вилли» и «Ники».

Анри представил себе эти телеграммы — короткие, тревожные, написанные на двух языках, между двумя кузенами, которые ещё не знали, что через несколько лет один потеряет трон, а другой — голову. Он поёжился.

Анри:

— И при этом — окопы, газ, Верден, Сомма. Как так?

Люсьен:

— Потому что родство было фасадом. За ним стояли империи, колонии, флот, рынки, союзы. Монархи в 1914-м уже не решали войну и мир единолично. В Германии Вильгельм II мог много говорить, но реальную политику делали канцлер Бетман-Гольвег, генеральный штаб — Мольтке-младший, — военные круги и промышленники. Генштаб настаивал: «лучше сейчас, чем через два года, когда Россия усилится». В России Николай II колебался, но военный министр Сухомлинов и министр иностранных дел Сазонов требовали мобилизации, а союз с Францией обязывал выступить. В Британии Георг V вообще не решал вопросы войны — это делал парламент и премьер Асквит. Во Франции — президент Пуанкаре и премьер Вивиани. В Австро-Венгрии — император Франц Иосиф, но реально — начальник генштаба Конрад фон Гётцендорф и министр иностранных дел Берхтольд. То есть ссорились не родственники — ссорились государственные машины.

Анри допил бокал и поставил его резко, чуть громче, чем хотел. Струнная музыка на мгновение дрогнула, но продолжила играть.

Анри:

— А что конкретно стояло за войной? Какие интересы?

Люсьен:

— Давай по пунктам. Колонии и рынки: Германия опоздала к разделу мира и требовала «места под солнцем». Британия и Франция не хотели уступать. Флот: гонка морских вооружений — Германия строила линкоры по программам Тирпица, Британия отвечала программой «Дредноут». Балканы: Россия и Австро-Венгрия боролись за влияние, а убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 года стало искрой. Союзы: Антанта — Россия, Франция, Британия — против Тройственного союза — Германия, Австро-Венгрия, Италия. Национализм: в школах, газетах и церквях десятилетиями воспитывали «мы — великая нация, нас окружают враги». Военные планы: у всех были готовые планы наступления — план Шлиффена у Германии, план XVII у Франции, план «А» у России.

Люсьен сделал паузу, отпил вина. За окном трамвай прошёл, разбрызгивая воду, и на мгновение заглушил музыку.

Люсьен:

— А теперь цепная реакция. Двадцать восьмое июня — убийство в Сараево. Двадцать третье июля — австрийский ультиматум Сербии. Двадцать восьмое июля — Австро-Венгрия объявляет войну Сербии. Тридцатое июля — Россия объявляет всеобщую мобилизацию. Первое августа — Германия объявляет войну России. Третье августа — Германия объявляет войну

Франции. Четвёртое августа — Германия вторгается в Бельгию, Британия объявляет войну Германии. Месяц — и мир в огне.

Он замолчал. В зале стало тихо, только граммофон доигрывал последние такты. Анри смотрел в окно, где дождь размывал огни фонарей.

Анри (тихо):

— А народ? Народ-то тут при чём? Ну поссорились родственники — это же не повод бросать людей друг на друга?

Люсьен:

— Народ бросали. Мобилизация как машина: как только её объявили, миллионы людей автоматически стали солдатами. Личный выбор почти исчез. Пропаганда: в каждой стране говорили, что «напали на нас», что война оборонительная и справедливая. Дисциплина и страх: отказ воевать означал трибунал, расстрел, позор для семьи. Инерция: когда война началась, остановить её было почти невозможно — никто не хотел выглядеть проигравшим. И элиты не воевали сами: сыновья монархов и министров часто были в штабах, а не в окопах. Основную цену платили обычные люди.

Музыка смолкла. Хозяин не стал ставить новую пластинку. В наступившей тишине стало слышно, как дождь барабанит по стеклу — ровно, монотонно, как пулемёт где-то далеко.

II. Счёт на миллиарды

Официант принёс кофе — крепкий, чёрный, в маленьких чашках. Анри обхватил свою ладонями, согреваясь. Ноябрьский вечер пробрался в зал вместе с дождём, несмотря на закрытые окна.

Анри:

— И кто-то на этом зарабатывал?

Люсьен (отпивая кофе):

— Ещё как. И это не теория заговора, а документы. Давай по странам и фирмам.

Он достал из кармана потрёпанную записную книжку, полистал, нашёл нужную страницу.

Люсьен:

— Германия. «Крупп» — крупнейший производитель оружия. Прибыль за первый год войны выросла с тридцати трёх миллионов девятисот тысяч марок до восьмидесяти шести миллионов четырёхсот тысяч. К 1918 году — до ста семидесяти пяти миллионов. Реальная зарплата рабочих упала вдвое. «Сименс-Шуккерт» — электротехника и военная связь, прибыль выросла втрое. «АЕГ» — генераторы, кабели, военное оборудование, дивиденды выросли с десяти до двадцати процентов. Deutsche Bank финансировал военные заказы и картели — прибыль выросла с двенадцати миллионов марок в 1913-м до тридцати миллионов в 1917-м. «Гамбург-Америка Лайн» — судоходство, переоборудованное под военные нужды.

Анри:

— А Франция?

Люсьен:

— «Шнейдер-Крезо» — крупнейший военный концерн. Прибыль выросла с двадцати четырёх миллионов франков в 1913-м до ста двадцати миллионов в 1917-м. «Рено» — танки, грузовики, снаряды. Производство танков FT-17 — три тысячи единиц. «Пежо» — снаряды, оружие, велосипеды для армии. «Мишлен» — шины, противогазы, авиация. Banque de Paris et des Pays-Bas финансировал военные займы.

Анри:

— Британия?

Люсьен:

— «Виккерс» — оружие, корабли, танки. Прибыль выросла с одного миллиона двухсот тысяч фунтов в 1913-м до пяти с половиной миллионов в 1917-м. «Армстронг-Уитворт» — артиллерия, корабли. «Браун-Бовери» — турбины, электрооборудование. «Кунард» и «Уайт Стар Лайн» — судоходство. «Барклайс Банк» — военные займы. И «Ротшильды» — они финансировали обе стороны через разные отделения. Это не выдумка, это задокументировано.

Анри покачал головой. Он представил себе, как в одном кабинете в Лондоне считают прибыль от британских снарядов, а в другом — от немецких, и оба кабинета принадлежат одной семье.

Анри:

— А США?

Люсьен:

— «Дюпон» — производил сорок процентов боеприпасов Антанты. Акции выросли с двадцати долларов до тысячи. Прибыль за войну — двести пятьдесят миллионов долларов.

«Бетлехем Стил» — сталь, оружие, корабли, прибыль выросла с шести миллионов до пятидесяти.

«ЮС Стил» — сталь для оружия.

«Дженерал Электрик» — электрооборудование.

«Стандард Ойл» — нефть для флота.

J.P. Morgan & Co. — главный финансовый агент Антанты в США, выдал займов на полтора миллиарда долларов, прибыль — тридцать миллионов.

«Кун, Лёб и Ко» — финансировал Германию через нейтральные страны.

К концу войны в США появилось двадцать одна тысяча новых миллионеров.

Анри (присвистнув):

— Двадцать одна тысяча...

Люсьен:

— Россия. Путиловский завод — орудия, снаряды, прибыль выросла в десять раз. Тульский оружейный завод — винтовки, пулемёты.

Брянский завод — артиллерия.

«Нобель» — нефть.

Русско-Азиатский банк — военные займы. Царское правительство переплатило поставщикам около шестнадцати миллиардов рублей — сорок процентов всех военных расходов.

Анри:

— Австро-Венгрия? Италия?

Люсьен:

— «Шкода» — крупнейший военный завод Австро-Венгрии, прибыль выросла в пять раз.

«Штейр» — оружие, автомобили. Италия:

«Ансальдо» — оружие, корабли, прибыль выросла в четыре раза. «Фиат» — автомобили, авиация.

Он закрыл книжку и отложил её на стол. Кофе остыл. За окном дождь превратился в мокрый снег — редкие белые хлопья кружились в свете фонарей и таяли, не долетая до земли.

Анри:

— То есть они наживались на смерти?

Люсьен:

— На войне. А война — это гибель народа. Значит, наживались на гибели. Но тут важна точность формулировки. Прибыль от войны — не оспорить. Прибыль в условиях массовой гибели — не оспорить. А вот «прибыль ради сокращения населения» — это уже домысел о мотивах, факты его не подтверждают. Смерть была не статьёй дохода, а условием, на котором доход рос. Чем дольше война — тем больше заказов. Чем больше убитых — тем больше новых солдат и снарядов.

Он помолчал, глядя в чашку с остывшим кофе

Люсьен:

— Паразит не убивает хозяина ради еды — он ест, пока хозяин жив, и часто гибнет вместе с ним. Мёртвый рабочий — плохой покупатель, разрушенная экономика — плохой рынок. Мотив был не «сократить население», а «получить прибыль здесь и сейчас», переложив издержки на государство и народ.

Анри задумался, глядя в окно. Мокрый снег усилился, трамвай прошёл, разбрызгивая воду. Где-то в глубине ресторана хозяин снова завёл граммофон — ту же самую пластинку, что и в начале вечера. Вальс поплыл над столиками, и от этого стало ещё тоскливее.

Анри:

— Значит, система была гнилой?

Люсьен:

— Система была преступной. Именно поэтому после войны ввели налог на сверхприбыль — в Британии до восьмидесяти процентов. В Германии шли расследования о военных спекулянтах. В США в тридцатых комиссия Ная расследовала, как банкиры и оружейники втянули

страну в войну ради прибыли. Твой тезис, между прочим, не маргинальный. Это официальная позиция многих парламентов после 1918 года.

III. Телеграммы «Вилли» и «Ники»

Вальс доиграл. Граммофон щёлкнул и замолчал окончательно. Хозяин начал гасить лампы — вечер подходил к концу. Но два человека за столиком у окна всё ещё не собирались уходить.

Анри:

— А родственники? Не могли остановить?

Люсьен:

— Пытались. Николай и Вильгельм обменивались телеграммами, просили не доводить до крайности. Вот, слушай.

Он снова открыл книжку, нашёл другую страницу и прочёл вслух:

Люсьен:

— «Вилли — Ники. Я делаю всё, чтобы сдержать австрийцев. Но если Россия мобилизуется, я буду вынужден ответить. Прошу тебя, не делай этого». И ответ: «Ники — Вилли. Я не могу оставить Сербию одну. Это вопрос чести. Прошу тебя, останови Австрию».

Он закрыл книжку.

Люсьен:

— Они писали друг другу почти каждый день. Но союзные обязательства, мобилизация и генералы оказались сильнее. Когда война началась, остановить её было почти невозможно: никто не хотел выглядеть проигравшим.

Анри:

— И что в итоге?

Люсьен:

— В итоге рухнули четыре империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская, Османская. Идея божественного права монархов была подорвана. Люди увидели цену «семейной ссоры» — и она оказалась несоразмерной. Именно поэтому после 1918 года возникло мощное движение за контроль над картелями, за национализацию военной промышленности, за создание международных институтов, которые позже стали предшественниками Европейского союза.

Люсьен налил остатки вина в оба бокала. В бутылке больше ничего не осталось.

Люсьен:

— Значит, главный вопрос не «кто планировал», а «почему системе сходило с рук»?

Анри:

— Да. Именно так. Не «они хотели сократить население», а «они наживались на массовой смерти, и им это сходило с рук». Вот это неоспоримо. И вот это — настоящий приговор.

Он помолчал, потом продолжил:

Анри:

— Потому что если сказать «они хотели сократить население», то спор уходит в конспирологию, и любой историк легко это опровергнет — а вместе с этим обесценится и верная часть: что наживались, что перекладывали издержки, что система работала на войну. А если сказать «они наживались на массовой смерти, и им это сходило с рук» — это уже неоспоримо, и с этим согласны и левые историки, и либеральные экономисты, и документы того времени.

За окном шёл снег, смешиваясь с дождём. Где-то далеко, за много десятилетий отсюда, всё ещё стояли окопы, и всё ещё кто-то считал прибыль.

Люсьен (поднимая бокал):

— Значит, прибыль на войне есть прибыль на гибели народа.

Анри (поднимая свой):

— Да. И это не конспирология. Это моральный факт, который признали сами парламенты. Разница только в одном: это делает систему преступной, но не доказывает, что кто-то сознательно планировал депопуляцию. А то, что на смерти делают деньги и это считается нормальным, — вот это и есть настоящий приговор.

Они выпили. Официант принёс счёт. Хозяин погасил последнюю лампу в дальнем углу. За окном всё так же моросил ноябрьский дождь, и ресторан «У старого моста» закрывался поздно — как и в тот вечер, когда два друга после бутылки бургундского задались вопросом, из-за чего же на самом деле началась Первая мировая.

Граммофон молчал. Но в тишине ещё долго слышался вальс — тот самый, довоенный, который хозяин заведения ставил каждый вечер, потому что она напоминала ему о временах, когда никто ещё не считал прибыль от смерти.

Часть II. ПЬЕСА НА ОСНОВЕ РАССКАЗА «МОСТ»

Пьеса в двух действиях

Полная режиссёрская версия с расширениями и углублениями

Автор: по мотивам историко-публицистического диалога Эриха Эрлэнбаха «Мост»

Жанр: историко-философская драма

Продолжительность: 2 часа 20 минут с одним антрактом

Количество действующих лиц: 12 (9 физических, 3 голоса)

Место действия: ресторан «У старого моста», Париж, Франция

Время действия: ноябрь 1935 года

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ

АНРИ ДЕЛАКРУА

Возраст: 45 лет

Профессия: журналист, политический обозреватель газеты «Ле Пти Паризьен»

Внешность: Высокий, худой, с резкими чертами лица. Тёмные волосы с проседью на висках, зачёсанные назад. Глубокие морщины у рта — следствие постоянного курения трубки и невесёлых мыслей. Глаза серые, внимательные, чуть усталые. Одет в мятый серый костюм, который знал лучшие времена. Белая рубашка с ослабленным галстуком. Тёмные туфли, стоптанные на каблуках. Пальто висит на спинке стула, шляпа лежит на подоконнике. В кармане — трубка и кисет с табаком. В заднем кармане брюк — сложенная вчетверо старая фотография.

Биография:

Анри Делакруа родился в 1890 году в Нанси, в семье школьного учителя. Отец — Жан Делакруа — преподавал историю и литературу, был человеком строгих правил и республиканских убеждений. Мать — Клодин — умерла от туберкулёза, когда Анри было двенадцать. Отец так и не женился второй раз, посвятив себя воспитанию сына и работе.

В 1908 году Анри поступил в Сорбонну на факультет литературы. Там он познакомился с Люсьеном Морелем — они оказались за одним столом в библиотеке, оба корпели над одной и той же книгой по истории Французской революции. С тех пор дружили. Анри специализировался на журналистике, Люсьен — на истории.

В 1914 году, когда началась война, Анри было двадцать четыре. Он ушёл на фронт добровольцем — как и тысячи других молодых французов, воодушевлённых патриотическим подъёмом. Служил в пехоте, в 73-м полку. Прошёл Верден. Был ранен в 1916 году — осколок снаряда попал в левое бедро. После госпиталя вернулся на фронт. В 1917 году был контужен под Шмен-де-Дам. После второй контузии был комиссован.

Война забрала у него двух младших братьев — Поля и Жака. Поль погиб под Соммой в 1916 году, Жак — под Верденом в том же году. Отец умер в 1918 году — не выдержало сердце. Анри остался один.

После войны он вернулся в Париж и начал работать в газете. Сначала писал о культуре, потом перешёл на политику. В 1923 году женился на Мадлен — машинистке из той же газеты. В 1925 году у них родилась дочь Софи. Но в 1929 году Мадлен умерла от гриппа — эпидемия унесла тысячи жизней. Анри остался с четырёхлетней Софи на руках. С тех пор он больше не женился. Софи сейчас десять лет, она живёт с няней, пока отец работает.

Анри — циник. Но его цинизм — это не жестокость. Это защита. Он видел слишком много смертей, чтобы верить в красивые слова. Он верит в цифры, потому что они не лгут. Он пьёт больше, чем следует, но держится ровно — ради дочери. В его блокноте — вырезки из газет, цифры, подчёркнутые дважды. Он собирает факты о военных прибылях с 1919 года. Он хочет написать книгу. Но пока не решается.

Тайна Анри: В заднем кармане брюк он носит фотографию братьев. Он не показывает её никому. Но иногда, когда думает, что никто не видит, он достаёт её и смотрит. Долго. Потом убирает.

Почему он здесь: Анри пришёл в ресторан «У старого моста» по привычке — он обедает здесь каждый вечер. Сегодня он пригласил Люсьена, чтобы поговорить. О чём — он сам ещё не знает. Но что-то его тревожит. Может быть, новости из Германии. Может быть, годовщина смерти братьев. Может быть, просто усталость.

ЛЮСЬЕН МОРЕЛЬ

Возраст: 47 лет

Профессия: историк, профессор Сорбонны, специалист по истории Первой мировой войны и династических связей Европы

Внешность: Коренастый, плотный. Ранняя седина в густых тёмных волосах — седые пряди на висках и в бороде. Круглое лицо, добродушное, но с упрямой складкой у рта. Очки в роговой оправе, которые он постоянно поправляет. Одет в твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях — дань академической моде. Тёмные брюки, жилет, начищенные ботинки. Шарф небрежно повязан — Люсьен вечно простужается. В кармане — записная книжка в потрёпанной кожаной обложке, которую он не выпускает из рук. В портфеле — карта Европы 1914 года.

Биография:

Люсьен Морель родился в 1888 году в Лионе, в семье нотариуса. Отец — Этьен Морель — был человеком педантичным и осторожным, копившим деньги и не любившим риск. Мать — Аделаида — происходила из обедневшего дворянского рода, что давало ей повод гордиться и страдать одновременно. В семье царила атмосфера осторожности и сдержанности.

В 1906 году Люсьен поступил в Сорбонну на исторический факультет. Он был прилежным студентом, но не блестящим. Его коньком была не оригинальность мысли, а скрупулёзность. Он мог месяцами сидеть над архивами, выписывая даты, цифры, имена. Это делало его идеальным исследователем — но не оратором. На лекциях он говорил тихо, с запинками, и студенты его не любили.

В 1914 году, когда началась война, Люсьену было двадцать шесть. Он не пошёл на фронт — у него было слабое здоровье (астма), и его оставили в тылу. Он служил в архиве военного министерства, где занимался систематизацией документов. Там он впервые увидел цифры — настоящие цифры потерь, прибылей, поставок. Это изменило его. Он понял, что история — это не только даты и имена. Это цифры. И эти цифры часто страшнее, чем слова.

После войны Люсьен продолжил академическую карьеру. В 1920 году защитил диссертацию по династическим связям европейских монархий. В 1925 году получил кафедру в Сорбонне. В 1928 году женился на Клэр — дочери коллеги-историка. Детей у них нет — Клэр не может иметь детей, и это стало тенью на их браке. Они живут тихо, в квартире на улице Сен-Жак, среди книг и бумаг.

Люсьен — педант. Он верит в факты. Он собирает их, систематизирует, выстраивает в ряды. Он не циник — он спорщик. Он спорит не ради спора, а ради истины. Он знает, что истина важнее удобства. И он готов говорить её вслух, даже если это больно.

В последние годы Люсьен всё чаще задумывается о том, что история повторяется. Он читает новости из Германии — и видит знакомые симптомы. Он пытается предупредить кол-

лег, студентов, друзей. Но его никто не слушает. Все говорят: «Это не повторится». А он знает, что повторится.

Тайна Люсьена: Он не был на фронте. Он стыдится этого. Он видел цифры, но не видел крови. Это его мучает. Он хочет понять. Он хочет предупредить. Но его никто не слушает.

Почему он здесь: Люсьен пришёл в ресторан «У старого моста» по приглашению Анри. Они не виделись месяц — Люсьен был в архивах, Анри — в разъездах. Люсьен принёс с собой записную книжку — он хочет показать Анри новые цифры, которые нашёл. Но Анри начал разговор первым. И Люсьен понял, что его друг хочет не цифр. Он хочет понять.

ПОСЕТИТЕЛИ

ЛЕ ВЬЁ САЛЬДО (Старый Солдат)

Возраст: 68 лет

Профессия: ветеран Первой мировой войны, бывший пехотинец

Внешность: Сухой, жилистый. Левая рука отсутствует по локоть — рукав пиджака подколлот булавкой. Лицо в глубоких морщинах, как будто вырезанное из старого дерева. Глаза выцветшие, но живые — они видели слишком много, чтобы быть мёртвыми. Одет в старый военный китель без знаков различия, тёмные брюки, старые ботинки. На лацкане — военная медаль, но он никогда о ней не говорит. Носит с собой трость с металлическим наконечником. Сидит в углу за маленьким столиком. Пьёт красное вино. Молчит.

Биография:

Ле Вьё Сальдо — это прозвище. Настоящее имя — Жан-Батист Морель. Он не родственник Люсьену — просто однофамилец. Родился в 1867 году в деревне под Верденом. Всю жизнь работал на земле. В 1914 году, когда началась война, ему было сорок семь. Он ушёл на фронт добровольцем — вместе с двумя сыновьями. Оба сына погибли в первый год войны. Жена умерла в 1916 году — не выдержала горя. Ле Вьё Сальдо потерял руку под Верденом в 1916 году — осколок снаряда оторвал её по локоть. После госпиталя вернулся в родную деревню, но деревни не было — её стёрли с лица земли. Он перебрался в Париж, где и живёт с тех пор. Работает сторожем в маленьком музее. Каждый вечер приходит в ресторан «У старого моста», садится в углу, пьёт вино и смотрит в окно. Он не говорит о войне. Но когда говорит — говорит так, что замолкают все.

Тайна Ле Вьё Сальдо: Он хранит фотографию сыновей. Она лежит у него во внутреннем кармане кителя. Он никогда её не показывает. Но когда он думает, что никто не видит, он достаёт её и смотрит. Долго. Потом убирает.

Роль в пьесе: Ле Вьё Сальдо — это совесть. Он не спорит. Он не доказывает. Он просто свидетельствует. Его слова «Я был там. Под Верденом. Это не цифры. Это люди» — это приговор всем, кто считает прибыль от войны. Он не судья. Он — свидетель. И этого достаточно.

Сценические действия:

Сидит в углу. Неподвижно.

Смотрит в окно.

Пьёт вино. Медленно.

Поднимает голову, когда слышит что-то важное.

Смотрит на Пьера и Мари. Долго. Потом отворачивается.

Пальцы его единственной руки дрожат.

Встаёт. Берёт трость. Идёт к выходу.

Останавливается у столика Анри и Люсьена.

Говорит: «Я был там. Под Верденом. Это не цифры. Это люди.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.